

РАЗДЕЛ 3

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Шмелев В.Д.
УГЛТУ, Екатеринбург

Л.Н. ТОЛСТОЙ: НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И НРАВСТВЕННОСТЬ

Научно-технический прогресс, определяющий лицо современной планеты, имеет в каждой стране собственные истоки, размах и глубину, он происходил неравномерно и в разные исторические сроки. Обычно его начало относят к XV–XVI векам, когда в странах Западной Европы произошли заметные социальные подвижки. Научно-технический прогресс на Руси появился в знаменательный отрезок российской истории. После тяжело выстраданного, эпохального события – отмены крепостной зависимости – Россия наконец-то вплотную приступила к долгожданной трансформации феодальных устоев и к быстрому формированию капиталистической собственности. Хотя освобождение крестьян было неполным, так как самодержавное правление сохранилось и продолжало существовать, сдерживая прогрессивные перемены, тем не менее, старый государственный аппарат уже не в силах был остановить процесс становления машинного производства и буржуазного обновления буквально всех сторон российской духовной ойкумены.

Крушение многовекового крепостнического гнета на широких российских просторах сопровождалось крутыми переменами в различных частях социального организма. Не остались в стороне и просвещенные круги интеллигенции. У работников интеллектуального труда произошел небывалый всплеск творческой активности. В их сознании воцарилась эйфория по поводу обретенной свободы; всем казалось, что они смогут стать чрезвычайно полезными для нового нарождающегося общества. Как представители богемы, так и маститые ученые наперебой предлагали широкой общественности свои оригинальные продукты кисти и пера, перечеркивающие устаревшие представления и соответствующие революционному духу времени. Кто ратовал за новую литературу, кто за новое искусство, кто за новую науку и философию,

словом, каждый старался внести в сокровищницу русской культуры свою посильную лепту. Достойное место в ряду этих первооткрывателей-новаторов принадлежит великому русскому мыслителю Л. Н. Толстому.

Как правило, интерпретируя толстовское наследие, наши отечественные исследователи в один голос утверждают, что философский анализ творца «Войны и мира» в корне отличается от теоретических построений признанных русских мэтров. В трудах яснополянского дворянина дана весьма самобытная характеристика простого человеческого общения в быту, на государственной службе, в городских и сельских трудовых коллективах. Занимаясь теми или иными делами, все члены гражданского общества, с его точки зрения, должны относиться друг к другу совершенно по-новому, отнюдь не так, как они делали это прежде. Им нужно строить собственное поведение, руководствуясь заповедями любви и непротивления злу насилем.

Именно такой способ повседневного бытия, по мнению русского гранда, заповедовал нам Христос. В своей Нагорной проповеди, ярко описанной в библейских сказаниях, он изложил главные требования к человеческим деяниям и поступкам. Во время странствий по израильской земле Христос произносил пламенные речи, в которых был изложен весь свод правил и обязанностей каждого христианина. Однако длительное время никто из служителей православной церкви не использовал должным образом наследие Божьего посланника на Земле. В силу исторических обстоятельств и, по-видимому, из корыстных побуждений церковное руководство ложно истолковывало Христовы заветы, затушевывая и искажая принесенный Спасителем благодатный свет.

Теперь же пришло время раскрыть истинный смысл учения Христа и принять его божественные истины в качестве жизненных ориентиров. Только тогда, положив в свои максимы подлинное христианское жизнепонимание, можно будет действительно осуществить вековую мечту человечества и построить гуманное общество. Игнорируя же заповеди Христа и строя свои социальные отношения на прежних языческих представлениях «око за око, зуб за зуб», человеческий социум и далее будет погрязать в многочисленных пороках.

Объективно грандиозная программа обустройства духовной жизни, предложенная великим русским мыслителем, противостояла православной идеологии. Толстовские идеи толерантности и гармоничности человеческого общежития несли в себе мощный взрыво-

опасный заряд, угрожающий основам феодальных порядков. По своему содержанию они явно выплескивались из берегов, обозначенных церковными границами. Прежний мир образов, норм и идей был устроен так, что большинство людей пребывало в темноте и невежестве. Центральное место занимали в нем абсолютные религиозные догмы, а все другие формы сознания – искусство, мораль, литература и философия, политика, право, наука – выполняли вспомогательные функции. Они были призваны дополнять, всячески расцвечивать и пропагандировать божественные истины, не претендуя при этом на какую-либо самостоятельность. Ни один из шедевров литературного и художественного творчества, ни одно, даже самое выдающееся открытие науки не могло появиться на свет без предварительного разрешения церковных блюстителей веры. Редко кому удавалось самостоятельно донести до публики свое творение и проскользнуть незамеченным мимо бдительного ока священнослужителей. Будучи идеологическим придатком российской монархии, святая церковь зорко следила за сохранением сложившегося статус-кво в духовном производстве и регулировала буквально каждое проявление человеческой самости. Какие бы то ни было отступления от богословских установлений жестко пресекались цензурой, опирающейся на мощь государственных департаментов. Естественно, что все это сдерживало развитие науки и техники на территории Российской империи.

Вряд ли у кого-либо есть сомнения, что Л.Н. Толстой, формулируя свои революционные предложения и призывая общественность положить конец безраздельному господству религии, сбрасывает церковные путы и открывает исследователям благоприятную перспективу для создания художественных или естественнонаучных произведений. Православная церковь как главный тормоз научных исследований, по его мнению, занимается не тем, к чему она предназначена. Вместо того чтобы проповедовать и нести в массы Христово завещание, церковная иерархия настойчиво ищет пути к сохранению языческой жизни. Она навязывает верующей пастве свои замшелые догмы, ведущие к разделению людей на богатых и бедных и порождающие многочисленные войны. Борясь за обеспечение собственного благосостояния, церковные магнаты цепляются за мифологические представления о мироздании и вводят в практику богослужения никому не нужные и бесполезные таинства. Ну кто из современных образованных людей, подчеркивает яснополянский мыслитель, может верить в то, что во время причастия, когда верующие вкушают хлеб и употребляют вино, они тем самым

поедают тело Христово и пьют Его кровь. Это же чистейшая отрыжка древнего каннибализма, абсолютно несовместимая с нормальным человеческим разумом. Необходимо очистить церковную догматику от подобной практики и пересмотреть православное вероучение под углом зрения его правдивости и тождественности заповедям Христа, где человек в естественном состоянии является высшей ценностью.

Радикальные выводы Л. Н. Толстого не были «голым, зряшным отрицанием» многовековой формы православного вероисповедания. Мыслитель открыл русским людям целый пласт духовных ценностей, которые отсутствовали в общественном сознании феодального общества. Гуманистическая направленность его религиозной доктрины нашла широкое признание у русской интеллигенции, а также далеко за пределами России. Свидетельств положительного признания концепции великого реформатора несметное количество. В разных концах света появились последователи толстовского учения. Об одном из таких приверженцев повествует, к примеру, знаменитый создатель кибернетики Норберт Винер, описывая случай, коснувшийся его семьи.носителем идей Л. Н. Толстого был его собственный отец. Характеризуя отцовские мировоззренческие установки, Н. Винер пишет: «Однажды ему случилось посетить студенческое собрание гуманитарного характера. Прозвучавшие речи усилили у него склонность к толстовству, существовавшую в нем давно, и он решил отказаться от выпивки, табака и употребления мяса до конца своей жизни» [1, с. 10].

Победное шествие воззрений российского первопроходца продолжается как в пространстве, так и во времени. И в нынешние дни ученые Москвы и Тулы плодотворно разрабатывают этическую доктрину современности, опирающуюся на толстовское наследие, ядром которого, согласно убеждениям этих теоретиков, является непротивление злу насилием. Вне всяких сомнений новое истолкование христианских истин, которому Толстой посвятил львиную долю философско-теологических исканий на протяжении многих лет, имело и имеет до сих пор непреходящее историческое значение.

Хотя различные стороны толстовской концепции обсуждаются и конкретизируются на протяжении многих лет и более или менее глубоко изучены, тем не менее, отношение русского мыслителя к научно-техническому прогрессу остается пока за кадром, и мало кто из исследователей творчества Толстого к нему обращается. Однако в наши дни, когда перед человечеством встали во весь рост глобальные проблемы взаимодействия с природой и многочисленные социальные конфликты,

именно толстовские решения стали очень актуальными и злободневными. Во многом русский мыслитель предвосхитил современную ситуацию с дальнейшим развитием научных и технических знаний и указал единственно возможный путь разрешения возникших проблем. Конечно, ни одна страна не может сегодня отказаться от научно-технического прогресса. Это чистейшая утопия. Но, вместе с тем, прогресс должен сочетаться с особыми отношениями между людьми, построенными на началах толерантности и любви друг к другу, а не злобы и враждебности. Как раз идею подобного обустройства социальной действительности и проводит граф Л.Н. Толстой, несмотря на то, что в его трудах нередко встречается прохладная оценка роли науки в человеческой жизни. Современники неоднократно сетовали ему, что он несправедлив, когда негативно относится к научным изысканиям и не приветствует достижения науки и техники. Однако, на наш взгляд, нельзя абсолютизировать эти моменты толстовского учения. Проблема гораздо сложнее, и к ней нельзя подходить однозначно. И не один Л.Н. Толстой негативно относился к научно-техническому прогрессу. Мы встречаемся с тем же у Достоевского, Розанова, Мережковского и других российских корифеев мысли. Даже друг писателя Н.Н. Страхов, занимавшийся философскими проблемами естествознания, поддерживал оценки яснополянского мыслителя. Это можно встретить в его высказываниях о книжных знаниях. «Книги, – писал он, – большое зло; в этом нужно согласиться с гр. Л.Н. Толстым. Вера в книги есть большое суеверие, мешающее ясному и здоровому взгляду на вещи» [2, с. 212].

Негативное отношение к научно-техническому прогрессу было обусловлено историей его появления и теми последствиями, которые произошли в мировой общественной жизни. Начало прогресса ознаменовалось в Европе крутым поворотом в обосновании Божьего присутствия в мире. Постичь Вседержителя, заявили европейские мыслители, мы можем только через Его творения, подвергая тщательному анализу природу и гражданское общество. На поверхности все выглядело вполне благопристойно. Ставилась задача дальнейшего расширения области религиозной веры, получения более четких и правдивых свидетельств бытия Бога и других трансцендентных феноменов. Но в реальной действительности подобные упования обернулись пирровой победой. Главной причиной аберрации явилось то, что продукты науки, призванные поддержать падающий авторитет религии, носили двойственный характер. С одной стороны, они как бы служили интересам веры в Бога, приводя все новые и новые свидетельства Божьих

заслуг при сотворении мира. Однако, с другой стороны, эти же самые продукты подрывали и умаляли действенность традиционных средств (мистики и чудес), составляющих главное основание религиозных убеждений. С накоплением научных сведений прежние сверхъестественные объяснения и библейские догмы все больше и больше отеснялись на периферию. Л. Н. Толстой так описывает эту ситуацию: «Так что, как теперь, так и прежде вероучение, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением, понемногу тает под влиянием знаний и опытов жизни, противоположных вероучению, и человек очень часто долго живет, воображая, что в нем цело то вероучение, которое сообщено было ему с детства, тогда как его давно уже нет и следа» [3, с. 107].

Однако самое важное состояло в том, что по мере неизбежного умаления авторитета религии наука и техника как носители Божьих знаний не только сравнялись в своем статусе с теологическими суждениями и догмами Писания, но постепенно даже стали возвышаться над ними. Плоды научной деятельности, как и значимые природные явления, восстали из праха земного и совершенно спонтанно приобрели в сознании просвещенных людей новую, только им присущую, привлекательную «святость». В некоторых отраслях науки обозначились претензии на обладание абсолютными истинами. Как следствие вера в небожителей все чаще и чаще стала уступать свое место вере в научно-технический прогресс. Л.Н. Толстой в годы становления себя как мудреца тоже отдал дань подобному верованию. «Жизнь в Европе и сближение мое с передовыми и учеными европейскими людьми, — писал он, — утвердили меня еще больше в той вере совершенствования вообще, которой я жил, потому что ту же самую веру я нашел и у них. Вера эта приняла во мне ту обычную форму, которую она имела у большинства образованных людей нашего времени. Вера эта выражалась словом «прогресс»» [3, с. 113].

Конечно, в период буржуазных преобразований в европейских странах вера в научно-технический прогресс выполняла важную общественную функцию. Благодаря этой вере сложились хорошие условия для расширения машинного производства и бурного роста естественных и социальных наук. Все это способствовало безмерному накоплению богатства и улучшению жизни простого народа. Несомненно, под воздействием этих факторов в сознании людей возникали и плодились иллюзии о всемогуществу науки. Европейцы думали, что если они будут и дальше целенаправленно строить свою деятельность на научных

знаниях, то непременно создадут в своих странах рай Божий. Все умирительно мечтали, пишет Л. Н. Толстой, что «наука выработает средства, во-первых, для того, чтобы правильно распределять удовлетворение потребностей, а, во-вторых, средства производить так много и легко, что все потребности легко будут удовлетворены, и люди тогда будут счастливы» [4, с. 323]. При этом, продолжает русский мыслитель, они совсем не замечали того, что такое «решение вопроса есть только перефразированное царство Мессии, в котором роль Мессии играет наука, а что для того, чтобы объяснение такое объясняло что-нибудь, необходимо верить в догматы науки так же бесконтрольно, как верят евреи в Мессию, что и делают правоверные науки, – с тою только разницей, что правоверному еврею, представляющему себе в Мессии посланника Божия, можно верить в то, что он всё своей властью устроит отлично; для правоверного же науки по существу дела нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни» [4, с. 323–324].

Почему же Л. Н. Толстой отказывает научно-техническому прогрессу в обретенной «святости»? Думается, у писателя не было каких-нибудь личных обид на ученых или какого-либо злопыхательства в отношении научных достижений, подрывающих авторитет христианской веры. Нам представляется, что все дело в историческом опыте. Перемены в России происходили гораздо позже, чем в европейских государствах. В Европе наука и техника уже достигли достаточно зрелых высот. Обрели самостоятельность физика и математика, биология и химия, география и астрономия. На территории европейских стран раскинулась сеть университетов с их профессорской элитой, прикладных научных институтов и лабораторий. Умная техника, сложившаяся в систему разнообразных машин, произвела коренной переворот практически во всех областях общественной жизни. Больше того, европейское сообщество приступило к самопознанию, дав миру социалистические учения и науку социологию, разработанную О. Контом и Г. Спенсером. Европейцам представлялось, что, опираясь в своей жизни на научные и технические ценности, они обязательно и в короткие сроки окажутся в заветной стране Эльдорадо. Однако, несмотря на все старания, создать общественное устройство, основанное на научных и технических достижениях и свободное от социальных язв, эксплуатации и страданий, так, к сожалению, и не удалось. Поэтому-то российские мыслители серебряного века, которым были хорошо известны попытки европейцев и их плачевные результаты, уже не питали столь

радужных надежд на научно-технический прогресс. Разочаровался в нем и Л.Н. Толстой. Прозрение наступило у писателя во время пребывания во Франции, когда он посетил место казни преступников. «Когда я увидал, – пишет Лев Николаевич, – как голова отделилась от тела, и то и другое врозь застучало в ящике, я понял – не умом, а всем существом, – что никакие теории разумности существующего прогресса не могут оправдать этого поступка и что если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира, находили, что это нужно, – я знаю, что это не нужно, что это дурно...» [3, с. 113].

Основной причиной, по мнению Л.Н. Толстого, неспособности науки к благодатному социальному обустройству человеческого бытия являются особенности ее природы. Прежде всего, в отличие от религии, она абсолютно не предназначена для освещения коренных вопросов человеческой жизни. Ее призвание – раскрывать глубинные, но частные стороны природных и социальных явлений. Даже философия, исследующая проблемы бесконечного и вечного, не может справиться со столь трудной задачей, так как не показывает путей достижения всеобщего блага. А что уж говорить о всех других науках, раскрывающих только некоторые причины существования природных и социальных образований. В лучшем случае, они демонстрируют пути достижения лишь отдельных благ. И хотя люди науки, подчеркивает Л.Н. Толстой, как правило, воображают и даже надеются, что опытным путем можно исследовать буквально все нюансы и закоулки земного и небесного бытия, однако подобные упования совершенно беспочвенны и утопичны. Мы даже не можем сосчитать число радиусов в шаре, поскольку оно бесконечно, а тем более, когда перед нами безбрежная совокупность различных проявлений человеческой жизни. Бесполезно «изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее, и с которой менее важно и менее нужно» [4, с. 320]. А это уже прерогатива народной мудрости и посильно тем, кто обладает соответствующим разумением жизни.

К тому же, указывает Л.Н. Толстой, для науки и техники безразлична дихотомия добра и зла. Они вполне могут оказаться как на службе у отъявленных негодяев, так и на службе у добрых людей, использующих их во благо каждого человека. Эта чистота и отрешенность науки и техники от человеческих страданий и интересов способствует тому, что научные истины не так подвержены искажению со стороны тех или иных социальных субъектов. В силу этого, когда приверженцы науки исследуют истины религии, они не видят в них искаженного

знания и вообще каких-либо разумных основ. Верующие в научно-технический прогресс «прямо отрицают всякие учения о будущей жизни и смело утверждают, что все эти учения не имеют никакого основания, а суть только остатки грубых обычаев невежества...» [4, с. 329]. Между тем в этих религиозных учениях «браминов, Будды, Зороастра, Лао-дзы, Конфуция, Исаяи, Христа» [4, с. 330] содержится вековая мудрость, открывающая дорогу к всеобщему благу. Надо лишь очистить эти учения от исторических искажений, которые внесли в них различные фарисеи. Только отказавшись от односторонних оценок людей науки и приняв на вооружение народную мудрость из этих учений, можно получить достойный научно-технический прогресс.

Библиографический список

1. *Винер Н.* Бывший вундеркинд. Мое детство и юность. / Н. Винер. – Оренбург, 2004.
2. *Страхов Н.Н.* Философские очерки. / Н.Н. Страхов.– Киев, 1906.
3. *Толстой Л.Н.* Исповедь // Публицистические произведения 1855–1886 гг. Собр. соч. В 22 томах / Л.Н. Толстой. – М., 1983. – Т. 16.
4. *Толстой Л. Н.* О жизни // Полн. собр. соч. / Л.Н. Толстой.– М, 1983. – Т. 26.

Голубева Т.Б.
УГЛТУ, Екатеринбург

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У СТУДЕНТОВ ЧЕРЕЗ ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Известен факт, что только 15 % будущих абитуриентов вузов могут считаться здоровыми. При этом разные формы психических отклонений, в том числе зависимости, выявлены у 35 % подростков [1]. Соответственно доля студентов с серьёзными отклонениями в состоянии здоровья, а также студентов-инвалидов довольно велика. Этим отчасти объясняется тот факт, что ценность здоровья как одного из главных компонентов личного благополучия занимает первые места в иерархии ценностей студенческой молодёжи. Между тем наибольшее влияние